

Журнал "Искатель"

№ 04,1967

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж92

Ж92 Журнал "Искатель": № 04, 1967 / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 451 с.

ISBN 978-5-458-66596-4

«Искатель» — советский, затем российский журнал, публикующий фантастические, приключенческие и детективные произведения, научно-популярные очерки, а также художественную и учебно-развивающую литературу для детей от 2 до 14 лет. Основан в 1961 году, в год столетнего юбилея журнала «Вокруг света», как литературное приложение к последнему. Был анонсирован в 1960 году, в ноябре 1960 года должен был выйти первый номер, который был отменен. В первом вышедшем номере журнала были опубликованы напутственные статьи Михаила Шолохова и Ивана Ефремова. До 1997 года выходил шесть раз в год, затем стал ежемесячным. С 1996 года — независимое издание.

ISBN 978-5-458-66596-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВИКТОР СМИРНОВ

п р е р в а н н ы й
Р Е Й С

Приключенческая повесть

1

— Акортэ, акортэ! — кричал человек в шляпе. Он стоял у самого обрыва и смотрел на

корабли, сгрудившиеся у причалов. Ветер лохматил его рыжую бороду. Это была великолепная борода, сам огненный Лейф Эриксон позавидовал бы такой. Смеркалось, на судах вспыхивали огни. С высоты Садовой горки хорошо были видны город и порт. Улицы, выгнув спины, сбегали к темной воде и смыкались с ней.

— Акортэ!

Глаза у викинга были с сумасшедшинкой, с диким, пронизывающим взглядом. Может быть, он и впрямь был Лейфом Эриксоном? Только человек с такими глазами мог открыть Америку, когда она никому не была нужна, за пять веков до Колумба.

Двое стариков, игравших в шахматы на садовой скамье, оторвались от доски. Это были морские волки на пенсии, все повидавшие и ко всему привычные, похожие друг на друга, как близнецы: так обтесал их ветер.

— Чувствует, — сказал один из них.

— Кто это? — спросил я, показывая на рыжебородого.

— А Славочка Оке, — ответил тот, что играл белыми. — С Каштанового переулка, — добавил он и снял черную ладью.

В глубине парка вздохнул духовой оркестр.

— А что значит «акортэ»?

— «Акортэ»? Для нас ничего не значит. А что оно значит для него, никто не знает. Может, больше, чем все наши слова.

— Он поврежденный, Славочка, — пояснил второй старик. — Голову повредил у Ньюфаундленда. Шторм был сильный. Он приходит сюда, когда возвращаются суда из океана.

— Чувствует, — буркнул первый. — Волнуется.

— А ты не волнуешься? — спросил партнер.

В порт входили китобойцы, такие маленькие рядом с океанскими сухогрузами. Носы кораблей были горделиво задраны, там, на высоких площадках, торчали гарпунные пушки, а у пушек стояли гарпунеры.

Передняя пушка блеснула белым и розовым, и глухой удар долетел на Садовую горку. Китобойцы салютовали. Бух-бам!

— Акортэ! — закричал Славочка и сорвал с головы шляпу.

Шахматные старички встали и замерли. На меня они больше не обращали внимания.

Я был сухопутным сибиряком в мире клешей и золотистых шевронов, я понимал, что этот город достоин уважения и любви, и я хотел любить его, но еще не мог...

Я медленно пошел вниз по улице адмирала Крузенштерна, вниз к заливу... Гранитная лестница со стертыми ступеньками, фонтан с амурчиками, еще ниже, после блочных домов площадь, где стоял памятник князю Мирославу, величавому и немного грустному человеку в шишаке. Князь Мирослав, прорубившись сквозь лесную чащобу к Балтийскому морю, сумел заложить город, но не смог отстоять его от ордена.

Пришельцев вышибли другие князья, но орден, меняя обличье, меняя гербы, штандарты, геральдические знаки, выпушки, петлички, много раз приходил сюда... Жег наше, строил свое.

За мостом, у Памятника гвардейцам, трепетал язычок вечного огня, а дальше, заслоня залив, темнела громада форта, выстроенного во время очередного нашествия, — до сих пор за ним сохранилось нелепое наименование «кайзеровского». У каменных разбитых стен плескалась вода, покрытая ряской, а зубчатые башни нависали над улицей как мифические чудища. Из выбоин тянулись тонкие, белые стволы березок. Они словно брали приступом отвесные стены.

Потом передо мной открылся порт. У причалов покачивались и скрипели суда. Пахло рыбой, мазутом, сырой древесиной. Мигали круглые глазки иллюминаторов. Ветер дышал близким морем. Из тонких камбузных труб сочился дымок, кое-где над палубами трепыхалось белье. Это был мир уютного кочевья.

А хорошо бы и в самом деле быть матросом, подумал я. Не липовым матросом, который только играет роль, а настоящим, и жить в этом мире и больше нигде. Драить палубу, грузить целлюлозу, стоять вахту. Славно, спокойно...

«Онега», моя «Онега», стояла, как обычно, у восьмого причала, вдали от прожекторной башни, в сумрачном портовом уголке. Белый борт смутно отражал далекие огни.

Скоро мне предстояло расстаться со своим временным, плавучим домом. Довольно скромное задание, которое я выполнял, подходило к концу.

Никто не мог предугадать в эту минуту, что тихий вечер обернется трагедией. Чуть позже мне пришлось восстанавливать в памяти все события, предшествовавшие неожиданной развязке, но то — позже, а в эту минуту я подходил к «Онеге» уже ставшим привычным маршрутом. Откуда мне было знать о резиденте Лишайникове и его связном по кличке «Сильвер», классном разведчике, который изучил искусство перевоплощения так же хорошо, как и скорострельный «карманный» автомат типа «СТЭН»...

Был тихий, уютный вечер, горели огни, девчонки стекались к парку, китобойные суда возвращались из гремящего океана, пенсионеры играли в шахматы, а на выщербленной

стене «кайзеровского» форта трепетали березки...

Десять дней назад, в жаркий полдень, я впервые пришел на пирс, где стояла «Онега», чтобы начать новую, матросскую жизнь.

«Онега» оказалась маленьким теплоходом, вовсе не предназначенным для романтических поединков с морской стихией. Это судно принадлежало к «озерному типу» и совершало плавания в Западную Европу частью по каналам и рекам, частью — в тихую походу по заливу.

Первым человеком, которого я встретил в тот день на теплоходе, был Валера Петровский... На носу судна, свесив голые ноги, сидел здоровенный матрос в тельняшке, джинсах и еще в очках с толстыми цилиндрическими стеклами.

Парень читал книгу. Я прошел под гигантскими, огрубевшими подошвами его босых ног и прочитал название книги: «Богословско-политический трактат», Бенедикт Спиноза. «Если матрос занят Спинозой, что же тогда

читает капитан? — подумал я. — Может, это образцово-показательное судно, борющееся за звание самого начитанного?»

— Привет! — сказал я.

Он отставил книгу и улыбнулся. У него была хорошая улыбка. Даже два увеличительных стекла, сквозь которые глядели на меня неестественно крупные зрачки, не могли испортить первого впечатления.

— Интересная книга?

— Мм, — ответил он. — Трудно дается. Уровень образования не позволяет дойти до всего.

— А я к вам назначен. Матросом.

Парень соскочил с борта, плотно приземлившись на бетон. Его крепкая, спортивная фигура странным образом не вязалась с крупнокалиберными очками, которые уместнее были бы на носу архивариуса, растерявшего зрение в книжных закоулках. Лицо матроса в мелких-мелких точечках пересекали два светлых шрама — следы пластической операции.

Парень перехватил мой взгляд и тут же, чтобы избавиться себя от расспросов в будущем,

пояснил:

— Гранату немецкую разряжал. В детстве. Осталось кое-что... — И протянул широкую увесистую ладонь. — Валера Петровский.

— А я Павел Чернов.

Мы поднялись по узкому дощатому трапу, который елозил от беспрестанной качки и грозил вот-вот сорваться с борта. «Надо привыкать и к морской жизни, — подумал я. — Майор Комолов, мой иркутский начальник, говорил: «Человек из угрозыска должен знать все плюс единица». Что ж...»

— Осторожнее! — предупредил Валера, и в ту же секунду я стукнулся лбом о металлический выступ. Конечно, это было только начало новой науки. Всего лишь гонг.

Мы прошли на корму, где были жилая надстройка и капитанская рубка. Петровский толкнул дверь с табличкой «Матросы». Каюта была чистенькая, похожая на купе в добротном спальном вагоне: много полированного дерева и никеля. Две койки — одна над другой — были убраны в стену.

— Здесь и будешь, со мной.